

УДК 101.1

**ГЕНЕЗИС АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ:
АНТРОПОГЕННЫЙ, СОЦИОГЕННЫЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ**
С. Ю. Просветов

**GENESIS OF ANCIENT PHILOSOPHY:
ANTHROPOGENIC, SOCIOGENIC AND CIVILIZATION APPROACHES**
S. Yu. Prosvetov

Статья посвящена раскрытию понятия историко-философского эксперимента на примере рассмотрения генезиса античной философии. В работе выявлены позитивные и негативные моменты антропогенной, социогенной и цивилизационной интерпретаций возникновения и развития древнегреческой философии. Эти концепции признают ее теоретической основой для дальнейшего развития мировой культуры и философии.

The article is dedicated to the exposition of the notion of historico-philosophic experiment applied the genesis of ancient philosophy as an example. The article studies the positive and negative moments of the anthropogenic, sociogenic and civilization interpretations of the origin and development of ancient Greek philosophy. These conceptions are acknowledged to be the theoretical basis of the further development of the world culture and philosophy.

Ключевые слова: методология, историко-философский эксперимент, античная философия, антропогенная концепция, социогенный подход, цивилизационный аспект, культура.

Keywords: methodology, historico-philosophical experiment, ancient philosophy, anthropogenic conception, sociogenic way, civilization aspect, culture.

На протяжении веков возникновение и развитие философии рассматривалось с различных точек зрения. Как правило, это производилось по определенным методикам, с помощью которых каждый исследователь находил свою интерпретацию историко-философского процесса.

Применение того или иного метода или целой методологической программы исследования предполагает наличие определенных предпосылок. Одной из них следует признать соответствие метода исследуемому предмету. Конечно же, речь не идет о полном совпадении характеров познавательных средств и познаваемых предметов, поскольку невозможно исчерпывающее умозрительное и теоретическое постижение чувственно-наглядного мира. Таким образом, соотношение между предметом и методом должно отображать как черты сходства, так и их различия.

Применение экспериментального метода в качестве средства рассмотрения историко-философских предметов может вызвать ряд возражений в силу явных различий между ними. Так, наблюдение предполагает рассмотрение предмета в искусственных условиях, тогда как исторические события и события духовной жизни неотделимы от конкретных условий их протекания. Поэтому наиболее адекватным средством постижения исторических феноменов в целом и историко-философских предметов в частности признается описание, стремящееся отразить события такими, какими они являлись в свое время. Однако при более детальном рассмотрении историко-философского наблюдения оказывается, что предлагаемые им описания предметности являются объективными с достаточной степенью условности. Например, подтверждение или отрицание объективности одного описания возможно только при его сопоставлении с другим описанием, которое также нуждается в проверке. Поэтому историко-философское наблюдение

зависит не только от характера исследуемого предмета, но и от выбранной исследователем установки. Из этого следует, что предмет описания вместе с установками своего развития в определенной степени предвосхищается исследователем, а, следовательно, извлекается из естественных условий. Например, в марксизме рассмотрение философских учений невозможно вне контекста классовой борьбы [14, с. 7], в абсолютном идеализме Гегеля – вне логики развития Абсолютного Духа [3, с. 70, 73, 84 и др.], в цивилизационном подходе – вне закономерностей развития цивилизаций [5, с. 85] и т. д. На основании данного обстоятельства можно сделать вывод, что любое описание содержит в себе элементы экспериментирования над историко-философским материалом, сам же материал вне какой-либо установки и теоретической модели вообще не рассматривается.

Допустимость историко-философского эксперимента не означает возможности его применения к любого рода предметам. Также как и любое другое средство познания, историко-философский эксперимент в одних случаях может давать ощутимые результаты, а в других – нет. Например, осуществлять мыслительный эксперимент над предметом, еще не получившим всестороннего рассмотрения со стороны эмпирических, теоретических, метатеоретических методов не представляется целесообразным, поскольку выявление скрытых сторон предмета будет более эффективным, если его образ уже обладает для историко-философского сознания определенной устойчивостью. Только в этом случае представляется необходимым отказ от естественной установки познания.

Одним из наиболее перспективных предметов применения метода историко-философского эксперимента следует признать проблему генезиса античной философии, поскольку она получила всестороннюю разработку в целом ряде философских школ и на-

правлений. Итогом такого рода разработок явилось создание нескольких интерпретаций генезиса античной философии. Но прежде чем приступить к их непосредственному рассмотрению, необходимо определить само понятие «генезиса». Очень часто это понятие рассматривается в узком значении как происхождение. Однако в большинстве историко-философских концепций генезиса данное понятие предстает в расширенной трактовке «как момент зарождения, возникновения, так и процесс развития какого-либо качественно определенного предмета, явления... Как становление нового качества генезис осуществляется на базе определенных предпосылок, созданных предшествующим развитием, и представляет собой процесс ассимиляции и преобразования известных предпосылок в новую целостность, новую систему взаимодействия» [4, с. 347]. Такое расширенное понимание генезиса приводит к тому, что историко-философские концепции, рассматривая процесс становления античной философии, нацелены не только на установление непосредственных причин ее возникновения, но и стремятся раскрыть логику ее развития. Отсюда можно сделать вывод, что вопрос о генезисе античной философии есть одновременно вопрос о ее сущности.

Наиболее разработанными концепциями возникновения и развития античной философии следует признать антропогенную, социогенную, цивилизационную и другие. В каждой из перечисленных концепций определяется причина так называемого «греческого чуда», устанавливается место философской мысли в духовном космосе античной культуры и демонстрируются основные закономерности ее функционирования. Благодаря этому становится возможным взглянуть на одни и те же процессы и явления с различных точек зрения, что способствует, с одной стороны, углублению представления об античной культуре и философии, а с другой – обнаружению нового сущностного определения данных явлений. Кратко рассмотрим указанные подходы с целью обнаружения в них предметологических предпосылок применения метода историко-философского эксперимента.

Исходным пунктом антропогенной концепции возникновения и развития античной культуры и философии следует признать понимание человека в качестве неизменного природного существа, обладающего врожденными характеристиками идеального, духовного, материального и практического порядка. Основным признаком антропогенного подхода служит представление о человеке как о самотождественном существе, природа которого остается одной и той же в различные исторические эпохи и в различных социокультурных средах. Вместе с тем подчеркивается, что далеко не каждая историческая эпоха и социокультурная среда способны выразить сущность человека.

Для антропогенного подхода античная культура имеет принципиальное значение, поскольку данная цивилизация рассматривается в качестве первой адекватной формы выражения сущности человека в социально-политической и социокультурной жизни. В

свою очередь сущность человека чаще всего определяется как свобода, которая, пронизывая все формы духовной жизни, служит причиной отличия античной культуры от других цивилизаций древности. Свобода в различных направлениях антропогенного подхода может пониматься по-разному, но важнейшим ее проявлением признается независимая от религиозных и политических авторитетов критически настроенная мысль.

С точки зрения одного из наиболее известных представителей антропогенного подхода К. Р. Поппера, свобода как сущность человеческого существования проявилась в двух важнейших феноменах греческой жизни – полисной демократии и теоретической науке. Отечественный исследователь И. З. Шишков определяет логику реализации принципа свободы в античной философии и науке следующим образом: «Среди всего того нового, что принесла греческая цивилизация человечеству, важнейшей является, по мнению Поппера, «идея критики»... Само собой разумеется, что для Поппера догматическое мышление первобытного человека является пранаучным (ненаучным). Новая – критическая – установка, идущая на смену догматической, создает новую – критическую – традицию, новые институты (для критики) и ведет к созданию новых форм социальной организации. Победа греческой революции рождает «два любимых дитя Поппера» (Х. Шпиннер) – критико-рациональную науку и открытое общество... Данное локальное греческое событие, имеющее всемирно-историческое значение, по сути, затрагивает обширный процесс культурно-исторического развития, который представляет собой принципиально качественный прогресс на пути от первобытной примитивности прадогматизма к рациональности и научности. Фактически попперовская концепция прогресса сводится к формуле: «от закрытости к открытости», «от догматизма к критицизму», «от иррациональной магии к рациональной философии», «от пракритического мифа к критической науке» [12, с. 17].

Основным аргументом в пользу признания стремления к свободе в качестве главной движущей силы развития античной культуры и философии служит тот факт, что сами греки признавали социально-политическую и духовную свободу одной из основных черт, отличающих эллинизм от варварства. Не менее очевидным является и отсутствие какого-либо диктата на философскую мысль со стороны религии, которое также свидетельствует о важной социальной и теоретической роли, выполняемой принципом свободы в греческом мире. Однако, рассмотрение свободы в качестве формообразующего принципа греческой культуры и философии встречает ряд возражений. Несмотря на высокую степень политической и духовной свободы, греческая культура и философия осознавали ее негативные последствия и потому не возводили в абсолют. Например, в области политики и социальной жизни демократия как высшее достижение свободы рассматривалась наиболее выдающимися умами античности – Платоном и Аристотелем – негативно. У Платона демократия – это ступень, предшеств-

вующая установлению тирании [9, с. 350], у Аристотеля это отклонение от правильной формы (политии) государственного устройства [2, с. 456 – 457]. Подобное сдержанное отношение к свободе сохраняется античными авторами и в оценке степени плодотворности данного принципа в области познания. Примером данного утверждения является жесткая критика софистики как воплощения интеллектуального анархизма. Главным же возражением против рассмотрения свободы в качестве определяющего принципа развития античной культуры следует признать боязнь греческого духа перед хаосом в целом и различными проявлениями хаотического в природном и социальном мире, поскольку духовная и социально-политическая свобода, возведенная в абсолют, причислялась греками к такого рода явлениям.

Что касается признания борьбы между критицизмом и догматизмом в качестве основного принципа развития античной философии, то эта борьба, с одной стороны, является логическим продолжением абсолютизации принципа свободы, а с другой – не в полной мере отражает реалии генезиса греческой философской мысли. Так, первые формы античной философии носят ярко выраженный догматический характер. Например, ионийские и италийские натурфилософы высказывают истину с той же однозначностью и непреклонностью, что и аэды, и мудрецы. Критичность первых форм философствования проявляется только в связи с их противоположностью обыденному и мифологическому сознанию, в самой же себе философия является догматичной. В связи с этим критический способ философствования, представленный учениями Сократа, софистов и скептиков выглядит как реакция на абсолютизацию определенной крайности мышления, нежели как равнозначный догматизму образ мысли. И действительно, догматизм, несомненно, является магистральной линией развития античной философии, о чем свидетельствует тот факт, что величайшие мыслители древности (Демокрит, Платон, Аристотель и Плотин) были догматиками.

В противоположность антропогенному социогенный подход полагает, что причины возникновения и закономерности развития греческой философии следует искать в социальной структуре античного общества. В самом общем виде логику обоснования социогенного подхода можно представить следующим образом. Развитие различных цивилизаций и содержание их духовной культуры определяется социально-экономическими отношениями, господствующими в них. Поэтому причины возникновения и закономерности развития античной философии следует искать в укладе социально-экономической жизни древнегреческого общества, то есть в рабовладельческой формации. Рассматривая античную философию, социогенный подход основную причину ее возникновения видит в наличии определенных социальных предпосылок в греческом обществе. Главной из них признавалось существование класса рабовладельцев, свободного от непосредственной вовлеченности в процесс производства благодаря труду рабов, и потому обладающего досугом. В свою очередь, наличие досу-

га позволило высшим классам греческого общества сформировать высоко развитую духовную культуру, но констатация социально-экономических предпосылок возникновения античной философии для объяснения ее характера представляется явно недостаточной.

Этот недостаток вполне осознается сторонниками социогенного подхода. В частности один из них – А. Ф. Лосев – закономерную связь между рабовладельческим укладом социально-экономической жизни и созерцательным восприятием мира, характерным для древнегреческой культуры и философии, выразил следующими словами: «Таким образом, производственно-техническая обработка вещей, которая специфична для античной рабовладельческой культуры и носителем которой является господин, сводится, по просту говоря, к стихийно-естественному возникновению вещей одной из другой... Теперь мы можем сформулировать то, что можно было бы назвать самым простым и очевидным надстроечным результатом античной рабовладельческой формации. Античное мировоззрение, античный гений, античная культура – все это разворачивается не только по принципу вещиизма и телесности, не только по принципу исключительно производственно-технической обработки вещей, но эта последняя оказывается лишь абсолютизированием естественно-необходимого течения вещей в их совершенно непосредственной данности и в максимально возможной для них производительности. Теперь можно конкретно указать на предмет античной эстетики. Это – материальное, вещественное и стихийное бытие, организованное в своей полной непосредственности и оформленное в меру своих чисто физических возможностей... Казалось бы, что представления о таком материально-чувственном и живом космосе имеют мало общего с развитием производительных сил и производственных отношений античного общества... И тем не менее, если правильно применять марксистский социально-исторический метод, то следует признать, что только рабовладельческий способ производства и мог заставить людей представлять себе абсолют в виде именно такого космоса, что только рабовладение и сделало понятным для человека именно такого рода абсолют и что только оно и могло заставить человека любоваться именно на такого рода красоту. Конечно, раскрывая античный космос, совершенно не обязательно анализировать античную экономику. Но при этом следует помнить, что самый способ конструирования этого космоса заимствовался в античности из рабовладельческой экономики» [6, с. 45 – 46].

Объяснение логики развития греческой философии в социогенном подходе также осуществляется путем обращения к социально-экономическим особенностям античной рабовладельческой формации. Так, расцвет философской мысли с точки зрения данного подхода совпадает с расцветом полисного строя и рабовладельческой демократии, поскольку он позволяет представителям высших классов реализовать себя в социальной и духовной жизни. Благоприятные социальные условия определили характер греческой

философии классического периода, которая своей конечной целью имела преобразование социально-политической жизни. И напротив, закат античной философии был обусловлен упадком полисного строя, невозможность решения городами-государствами экономических и социально-политических проблем привела античный мир к переходу от республиканской формы правления к деспотизму и плантационному рабовладению. Данное обстоятельство оказало прямое воздействие на характер философской мысли, которая, не видя перспектив познания природы и преобразования общества, сконцентрировалась на поиске путей умиротворения души. В свою очередь, отказ от познания реального социально-природного мира привел философское мышление к зависимости от религиозных и мистических идей. Таким образом, тезис об обусловленности духовной культуры социально-экономическими отношениями получает подтверждение со стороны историко-философского конструирования, опирающегося на конкретный эмпирический материал.

К числу наиболее сильных сторон социогенного подхода следует отнести то обстоятельство, что факт социальной обусловленности философской мысли прямо или косвенно признавали многие представители античной философии. Так, Аристотель полагал, что философия является достоянием свободных людей и что для занятия ею требуется досуг [1, с. 69]. Помимо Аристотеля, элитарную природу философии отстаивали пифагорейцы, Гераклит, Сократ, Платон и др. Но, пожалуй, главным аргументом в пользу данной концепции служит то обстоятельство, что философия, хотя и носит глубоко личностный характер, возможна только как форма общественного сознания. Отсюда следует, что установление причин возникновения и закономерностей развития философского знания в целом и его отдельных исторических форм в частности невозможно вне раскрытия социальных условий его существования. Поэтому признание рабовладения в качестве причины, обусловившей генезис и характер античной философии, является необходимым.

Как и любая другая концепция, социогенный подход имеет свои ограничения. В первую очередь, к ним следует отнести редукцию всего многообразия социокультурных условий возникновения античной философии только к социальным отношениям. Более того, сами социальные отношения предстают в данном подходе сведенными к отношениям между рабом и рабовладельцем, что, мягко говоря, не совсем отражает социально-экономические реалии классического полиса, в котором сформировались важнейшие идеи античной философии.

Например, в греческих полисах не существовало крупного плантационного рабовладения, в мастерских рабы трудились вместе со свободными, часто домашние рабы выступали в качестве членов семьи своих господ. Но даже если согласиться с тезисом о существенной роли рабовладения в греческом полисе, то из него не следует необходимость возникновения философии. Так, древнекитайская и древнеиндийская культуры смогли создать собственные формы философии,

хотя уклад их социально-экономической жизни исключал массовое применение рабов. И наконец, нужно учитывать, что социальная и идеологическая функции философии не являются определяющими для ее характера. Философия могла возникнуть в Греции под влиянием социально-экономических причин, но логика ее развития не может быть сведена к идеологическому обоснованию существования рабовладельческого общества, поскольку она, в первую очередь, определяется собственными познавательными задачами.

По своему характеру цивилизационный подход к объяснению возникновения и развития античной философии близок к социогенному. Во многом он представляет собой его логическое продолжение, поскольку детализирует социально-культурную и социально-экономическую базу, опираясь на которую сформировалась и функционировала античная философия. Для представителей цивилизационного подхода характерно понимание цивилизации в качестве саморазвивающейся и постоянно усложняющейся системы взаимодействия человека и природы, в процессе которого возникает так называемая «вторая природа», представляющая собой совокупность материальных, духовных и искусственных предметов, а также средств их производства. Философия представляет собой достаточно поздний продукт развития цивилизации, связанный с необходимостью формирования идеалов, ценностей, норм и требований, которым подчиняется жизнь и мировоззрение людей той или иной культуры. Но помимо философии, мировоззренческую, идеологическую и ценностно-нормативную функции могут выполнять и другие формы духовной жизни – мифология, религия, политическая идеология. Поэтому далеко не в каждой цивилизации возникает потребность в формировании философского знания, но только в тех, которые ставят перед собой цель воспитать в той или иной мере свободно мыслящую и действующую личность.

С точки зрения представителей цивилизационного подхода греческая культура с первых шагов испытывала потребность в индивиде, способном подвергать критической оценке имеющиеся социально-экономические и социально-культурные отношения. Благодаря этому он мог принимать нестандартные решения на различного рода вызовы, исходящие от природы, других цивилизаций и изменений в обществе, политике, экономике и культуре. По мнению Н. В. Мотрошиловой, весь уклад жизни ранней античной цивилизации предполагал возникновение рефлектирующего мышления, а следовательно, и философии. В своей книге «Рождение и развитие философских идей» она подчеркивает: «В историю цивилизации и культуры человечества прочно вошли и приобрели нарицательно-символический смысл некоторые слова-понятия, с помощью которых древние греки обозначали основные сферы («топосы») своей социокультурной деятельности и скрепляющие ее высокие ценности. Имеет смысл... воспроизвести в памяти обозначаемые ими реалии, что не будет для нас самоцелью, а лишь способом проникнуть к самым фундаментальным цивилизационно-культурным основани-

ям – или корням, или истокам – древнегреческой философии. Эти понятия – полис (город-государство), лимен (гавань вместе с портом), комы (деревни) и нижний город, агора (рыночная площадь) с экклезией (народным собранием), акрополь (верхний город), логос (слово, беседа, закон), этос (обычай, поведение) – да послужат нам направляющими лоциями... к историческим жизненным истокам древнегреческого философствования...» [8, с. 39 – 40].

Если попытаться выразить логику развития античной философии с точки зрения цивилизационного подхода, то ее можно представить следующим образом. Философия есть не что иное, как самосознание античной цивилизации. При этом самосознание может пониматься достаточно широко: от восприятия действительности через призму определенных мировоззренческих установок до рефлексии познающего сознания над условиями существования природно-социального мира, к которому оно принадлежит. Первая точка зрения ярче всего представлена в творчестве О. Шпенглера [13, т. 1, с. 124], вторая – в знаменитом труде А. Дж. Тойнби «Постижение истории» [10, с. 91 – 94, 132 – 140].

С точки зрения О. Шпенглера, античная цивилизация действует в рамках восприятия идеальных, физических, психических и иных явлений в качестве завершенного и гармоничного тела. Эта своеобразная интуиция греческого духа пронизывает всю рациональную сферу античной культуры, включая в себя философию и науку. Вся история философии есть не что иное, как углубление и детализация данной интуиции. Таким образом, при кажущейся динамике античной философии она в сущности остается самооткровенной и статичной. Критикуя статичное понимание античной философии, вытекающее из идеи замкнутости цивилизаций, А. Ф. Лосев в своих «Очерках античного символизма и мифологии» подчеркивает: «...необходимо отдавать себе отчет в существовании метода, применяемого Шпенглером в анализе всемирной истории и ее отдельных эпох. Это – метод, который он сам называет физиогномическим... И сам Шпенглер настолько увлечен и пленен... физиогномикой, настолько ярко чувствует он своеобразие и индивидуальную несводимость лика каждой культуры, что он не стесняется утверждать прямо абсолютную разорванность всемирно-исторической культуры человечества..., полную неперебиваемость ее на язык всякой другой культуры. Это учение можно объяснить только слишком тонко развитым чувством своеобразия каждой культуры. Эта яркость восприятия отдельных культур помешала Шпенглеру представить ряд человеческих культур как нечто целое, как жизнь единого всечеловеческого организма. Эти же самые свойства построений Шпенглера помешали ему также и дать диалектику как всемирной истории, так и каждой культуры в отдельности» [7, с. 63 – 64].

В учении Шпенглера философия находится в прямой зависимости от этапов развития культуры. Так, философия возникает на второй, метафизико-религиозной стадии существования античной цивилизации. При этом содержание философских учений но-

сит отпечаток героического духа и нацеливает человека на постижение мира и преобразование общества. На цивилизационной стадии развития, для которой характерно господство технократизма и этатизма, философское знание теряет интерес к рассмотрению природы и участию в социальной жизни и стремится обрести средства самопознания и умиротворения души. В завершении развития античной цивилизации философия трансформируется в религиозно-мистическую доктрину [13, т. 1, с. 537 – 549, 553 – 557, 176 – 182, 602 – 604; т. 2, с. 324 – 325].

В концепции А. Дж. Тойнби развитие философии, также как и цивилизации в целом, подчинено определенному ритму, но не имеет однозначно предопределенного характера, как и у Шпенглера. Философия, согласно Тойнби, (аналогично интерпретации Шпенглера) принадлежит к достаточно позднему периоду развития цивилизации, к ее расцвету. Творцами философского знания являются представители «интеллектуальной элиты», рефлексировавшей над проблемами, с которыми сталкиваются цивилизации [10, с. 262 – 270]. Эти проблемы Тойнби называет «вызовами», «ответы» на них могут быть различными. По этой причине эмоциональное и идейное содержание философского знания может быть ориентировано на противоположные ценности и в связи с этим позволяет полагать возможность реализации социального идеала в различные моменты времени. Так, античная философия знает большое число учений, ориентированных на прошлое и идеализирующих традиционные формы социально-политической жизни. Данный вариант ответа на социальный вызов содержится в учениях Гераклита и позднего Платона, в которых прослеживается тенденция к архаизму. Напротив, тенденция к футуризму присутствует у зрелого Платона и киников, что свидетельствует об идеализации будущего [10, с. 275 – 277]. Кроме того, античная философия знает примеры решения социальных проблем, стоящих перед цивилизацией, исходя из имеющихся у нее в настоящий момент возможностей, таковы учения софистов и Аристотеля. В целом можно сказать, что концепция возникновения и развития античной философии у Тойнби представляет собой сочетание рефлексии и логики развития греческой культуры с непосредственной реакцией на проблемы, возникающие перед ней. Данная двойственность позволяет философскому творчеству сохранять определенную степень свободы. Несмотря на то, что философ определен в своем творчестве ритмами культурно-исторического процесса (возникновением, ростом, расцветом, надломом, гибелью), он обладает возможностью как следовать духу своей эпохи, так и преодолевать его. Но при этом мышление античного философа сохраняет ряд черт, свойственных только современной ему цивилизации. Таким образом, свобода мысли является ограниченной культурными рамками.

В целом цивилизационный подход к объяснению генезиса античной философии следует признать достаточно гибким и способным преодолевать свои недостатки. Так, идея изолированных цивилизаций преодолевается Мотрошиловой путем указания на то, что

философия в целом и античная философия в частности способствуют формированию общечеловеческой цивилизации. Как уже было сказано выше, культурно-исторический детерминизм в концепции Тойнби также смягчается. Английский мыслитель признает, что античная цивилизация благодаря сформированному ею духовному наследию преодолела свою культурно-историческую замкнутость и заложила фундамент цивилизации западного христианства, хотя она и не смогла избежать трагической судьбы [11, с. 86 – 92]. Но, пожалуй, главным и наименее преодолимым недостатком цивилизационного подхода является отрицание за философской мыслью собственной логики развития, отличной от отражения и рефлексии над культурно-историческим процессом.

Подводя итог всему рассмотренному выше, отметим, что историко-философский эксперимент, проводимый антропогенной концепцией над проблемой генезиса античной философии предполагает рассмотрение человека как имеющего неизменную природу в различные исторические эпохи. Причем сам человек стремится к свободе, понимаемой в этом подходе как

независимость от политических и религиозных авторитетов, но в реалиях греческого духа имеющей определенные ограничения во избежание различных проявлений хаотического в природном и социальном мире. Доминирующими условиями возникновения греческой философии в социогенной концепции признаются рабовладение в полисную эпоху греческой истории и как следствие элитарность философского знания. Представители цивилизационной концепции генезиса философии признают, что она появляется достаточно поздно, а именно на этапе расцвета цивилизации в качестве ее самосознания. Однако философия присуща не всем цивилизациям, а лишь тем, которые стремятся воспитать свободно мыслящих активных личностей. Очевидно, что проанализированные концепции, представляющие собой мыслительные эксперименты над процессом генезиса античной философии, являются лишь различными аспектами, оценивающими «греческое чудо» как основополагающий фундамент дальнейшего развития мировой философской мысли и культуры.

Литература

1. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. / ред. В. Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1 – (Философское наследие).
2. Аристотель. Политика / Аристотель // Сочинения: в 4 т.: [пер. с древнегреч.] / общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – (Философское наследие).
3. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии: в 3 кн. Кн. 1. / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1993. – 350 с. – (Слово о сущем).
4. Генезис // Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф. В. Константинов. – М.: Советская энциклопедия, 1960. – Т. 1.
5. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – 6-е изд. – СПб.: С.-Петербургский гос. университет: Глаголь, 1995. – 552 с. – (Литературное наследие русских мыслителей).
6. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / А. Ф. Лосев. – М.: АСТ: Харьков: Фолио, 2000. – 624 с.
7. Лосев, А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А. Ф. Лосев; сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
8. Мотрошилова, Н. В. Рождение и развитие философских идей: историко-философские очерки и портреты / Н. В. Мотрошилова. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
9. Платон. Государство / Платон // Собрание сочинений: в 4 т.: [пер. с древнегреч.] / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – (Философское наследие).
10. Тойнби, А. Д. Постижение истории: сборник / А. Д. Тойнби; [пер. с англ. Е. Д. Жаркова]. – 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 640 с.
11. Тойнби, А. Д. Цивилизация перед судом истории: сборник : пер. с англ. / А. Д. Тойнби. – 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 592 с.
12. Шишков, И. З. В поисках новой рациональности: философия критического разума / И. З. Шишков. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 400 с.
13. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / О. Шпенглер; вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна; [пер. с нем. И. И. Маханькова]. – М.: Мысль, 1998. – Т. 2.
14. Энгельс, Ф. Предисловие к немецкому изданию 1883 года / Ф. Энгельс // Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1989.

Информация об авторе:

Просветов Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета, 8 (928) 4402635, Prosvetov-philos@mail.ru.
Sergey Yu. Prosvetov – Candidate of Philosophy, Assistant professor at the department of Philosophy, Kuban State University.